

DOI10.25991/AE.2020.34.1.005
УДК 82–32

О. В. Богданова, И. А. Митрофанова

Богданова Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ образовательного регионоведения РГПУ им. А. И. Герцена, email: olgabogdanova03@mail.ru

Митрофанова Ирина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, email: a_blum@mail.ru

К ВОПРОСУ О Н. А. НЕКРАСОВЕ И ТРАДИЦИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Статья посвящена постановке нового вопроса о роли традиции в творчестве Н. А. Некрасова. Авторы статьи предлагают дифференцировать в русской литературе XIX века два независимых друг от друга литературных потока — условно «пушкинский» и «некрасовский», которые (вопреки традиции их восприятия) развивались не в тесной связи, а в параллели друг к другу и никогда не смыкались и не пересекались. На примере творчества писателей середины XIX века (романы И. С. Тургенева «Отцы и дети» и И. А. Гончарова «Обломов», отчасти Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина) в статье показано, что некрасовский тип героя самостоятелен и тяготеет не к представлениям о «лишних» людях (вслед за Онегиным), но к типу «новых» людей (близких Базарову и Штольцу). В работе высказано предположение, что образ Базарова в романе «Отцы и дети» создавался Тургеневым в том числе и с опорой на характер и личность Н. А. Некрасова.

Ключевые слова: русская литература середины XIX века, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, традиция, тип героя, дворянство и разночинство.

O. V. Bogdanova, I. A. Mitrofanova

ON THE QUESTION OF N. A. NEKRASOV AND THE TRADITIONS OF RUSSIAN LITERATURE

The article is devoted to the formulation of a new question about the role of tradition in the work of N. A. Nekrasov. The authors of the article suggest differentiating in the Russian literature of the XIX century two independent literary streams — conditionally “Pushkin” and “Nekrasov”, which (contrary to the tradition of their perception) developed not in close connection, but in parallel to each other and never closed and did not intersect. On the example of creativity of writers of the middle of the XIX century (I. Turgenev’s novels “Fathers and children” and I. Goncharov’s “Obломov”, partly fairy Tales by M. E. Saltykova-Shchedrin) the article shows that the Nekrasov type of hero is independent and tends not to the ideas of “strange” people (after Onegin), but to the type of “new” people (close to Bazarov and Stolz). The paper suggests that the image of Bazarov in the novel “Fathers and children” was created by Turgenev, including relying on the character and personality of N. A. Nekrasov.

Keywords: Russian literature of the mid-XIX century, N. A. Nekrasov, I. S. Turgenev, I. A. Goncharov, tradition, hero type, nobility and diversity.

В отечественном литературоведении широко и, кажется, убедительно звучит мысль о продолжении Н. А. Некрасовым традиции классической русской литературы. Подобную точку зрения неоднократно высказывали В. Е. Евгеньев-Максимов [8], Н. Н. Скатов [21, 22, 23], Б. В. Мельгунов [15], Н. Н. Пайков [19], Ф. Я. Прийма [20], А. Ф. Тарасов [24] и др. И, конечно, первым в ряду предшественников Некрасова называется Пушкин. Но не менее основательны и другие суждения, согласно которым Некрасов не продолжатель традиции, а основоположник новой литературы. Однако, в восприятии последнего утверждения, на первый план чаще всего выходит «магия слов», внимание к броскому обороту речи, к признанию значительности и значимости наследия поэта-демократа.

Между тем к суждению о том, что Некрасов стал основоположником новой литературы следует отнестись внимательнее и серьезнее и осознать, что именно так и происходило в русской литературе

середины XIX века. Надо признать, что от традиции классической русской литературы Некрасов (и К°) отказался полностью и решительно, породив действительно новую и вскоре ставшую мощной ветвь «другой» литературы, начавшей развиваться по иным законам и воплощающей иные идеалы, чем творчество писателей-классиков, представителей русской литературы первой трети XIX столетия.

Признавая, что в середине XIX века в общественной жизни России столкнулись два диаметрально противоположных идейных течения — условно «консервативное» славянофильство и «прогрессивное» западничество, исследователи тем не менее не осознают необходимости выделить (точнее — разделить) их не только на уровне общественной мысли, но и в истории литературы, вопреки очевидности представляя логику развития словесного искусства как единую линию русской литературы XIX века — от Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя последовательно к Некрасову,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей».

Тургеневу, Гончарову, Салтыков-Щедрину и далее — к Достоевскому, Толстому, Чехову (и т. д.).

Однако единство в намеченном ряду литературных имен обеспечивается только хронологией, темпоральной причастностью названных писателей к тому или иному временному периоду. Общности взглядов и преемственности идей между названными писателями нет — потому было бы методологически правильно наметить в середине XIX века разделение единого русла отечественной литературы на два самостоятельных потока, каждый из которых развивался в дальнейшем по собственным законам и на различных этико-эстетических (и идейных) основаниях.

Условно в середине XIX столетия литературное древо русской литературы — в том числе при активном и непосредственном участии Некрасова — распа(да)лось на две независимые ветви, каждая из которых впоследствии приносила свои плоды и формировала собственные традиции. Вопрос преемственности и продолжения традиций между наметившимися самостоятельными ветвями обрел более сложный и одновременно упрощенный характер — по известному математическому закону параллельные линии не пересекаются.

При самом поверхностном взгляде на эволюцию русской литературы XIX века может показаться, что герои Грибоедова и Пушкина — Чацкий и Онегин, так называемые «странные» или «лишние» люди, как будто бы открывали дорогу будущим «новым героям», были (или могли быть) предтечами литературного типа, возникшего в середине XIX века. Кажется, именно Чацкий был в русской литературе одним из ранних «западников», а Онегин — одним из первых борцов с крепостным правом (первым в русской литературе «ярем он барщины старинной оброком легким заменил»). В повестях Пушкина и Гоголя впервые речь зашла о социальной справедливости по отношению к судьбе «маленького человека» — о станционном смотрителе Самсоне Вырине или титулярном советнике Акакии Акакиевиче Башмачкине, героях «почти» из народа.

Между тем очевидно и другое, что лидирующий в начале XIX века тип «лишних» людей принципиально отличен от «новых» людей середины столетия: первые — герои либерально-аристократической дворянской литературы, вторые — порождение литературы разночинной, демократической, (пред) революционной. Признаки отдаленного внешнего сходства героев «лишних» и «новых» — мнимые, иллюзорные, поверхностные. Вряд ли «лишний» Онегин мог бы надолго оказаться в кругу приятелей «нового» Базарова, а дружба гончаровских персонажей Обломова и Штольца — скорее единичное и уникальное исключение, чем типичное и узнаваемое явление жизни. Разный тип героя (как базовая категория квалификационной системы) неизбежно генерировал и формировал различные русла в литературе — условно «дворянское» и «разночинное», то есть те (пра)течения, что в середине века полу-

чили не вполне категориальную, но ставшую привычной дефиницию славянофильства и западничества.

«Лишние» люди начала XIX века, пройдя трагические события 14 декабря 1825 года и пережив глубокое разочарование¹ (или поздно родившись), оставляли службу и удалялись в деревню (ср. двоюродный брат Скалозуба из «Горя от ума» Грибоедова: «...он службу вдруг оставил, в деревне книги стал читать...»), фактически приближаясь к образу жизни Обломова, пролеживающего жизнь на диване и, по логике традиционных («консервативных») представлений о жизни, примыкающего к лагерю славянофилов. А рядом с ними в обществе начинали отвоевывать позиции допущенные к образованию государственным указом Николая I разночинцы, не имевшие поместных угодий и солидного наследного состояния, но готовые собственными усилиями и непомерными амбициями достичь равного со старинными дворянами положения. Напомним клятвенное обещание Штольца отцу о том, что он придет с рекомендательным письмом к Рейнгольду только тогда, когда у него самого будет четырехэтажный дом в Петербурге. Если богатому и родовитому Обломову достаточно было снять квартиру в Гороховой улице (заметим, как и четырехсотлетнему дворянину Пушкину на Мойке), то разночинному бессребренику Штольцу для доказательства его респектабельности необходим был собственный каменный дом в столице (как, например, Некрасову усадьба под Ярославлем).

Социальная дифференциация, происходившая в обществе и поставившая в позицию конфронтации (а не преемственности или традиции) старое и новое — не отцов и детей (психологический аспект), а дворянство и разночинство (идейный аспект), — видимо в историческом ракурсе, но малозаметно для современников начинала вычерчивать границы различных литературных пространств. То, о чем размышляли писатели, приближенные к идеям славянофильства, категорически не смыкалось и не коррелировало с тем, что занимало умы приверженцев западничества.

Между тем в общественном сознании все еще сохранялось представление о необходимости единства российского социума и о единой русской литературе. И хотя художественное видение писателей-наследников литературы первой трети XIX века и молодых писателей пореформенного времени (весьма условно, славянофилов и западников) развивалось в различных (идейно-)эстетических системах, тем не менее в обществе предпринимались попытки совместить общественные, политические, этические представления одних и других, что в художественном творчестве порождало особую разновидность социальной литературной утопии. И речь в данном случае идет не о знаменитом романе-«утопии» Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863), а об утопических представлениях продолжателей классического пласта русской литературы,

предпринимавших попытки соединить идеалы пушкинской эпохи с идеалами времени некрасовского. Прежде всего это произведения И. А. Гончарова и И. С. Тургенева, писателей, кажется, стоящих на позиции между славянофилами и западниками, между либералами-дворянами и разночинцами-демократами.

Именно «Обломов» (1859) Гончарова и «Отцы и дети» (1862) Тургенева, привычно аттестуемые как романы реалистические, на самом деле, подобно роману Чернышевского, в перспективе исторического восприятия были маркированы утопическими идеологемами, оказались пронизанными идеалистическими мечтаниями и прекраснодушными прожектами (см. об этом подробнее: [1, 4]). Необыкновенно близкие друг другу (неслучайно у современников возникал резонный вопрос о заимствованиях, вплоть до плагиата), близкие даже в художественных деталях, оба романа художественно проектировали некую ожидаемую будущность, когда русский человек должен будет соединить в своей натуре основы традиционного дворянского мировосприятия (прежде всего — духовно-аристократического, ментально-интеллектуального), унаследованного от уходящих корнями в древнюю историю предков, с формирующимся в обществе представлением о недостатке деятельного и делового начала в русском национальном характере и, следовательно, о необходимости компенсации выявленного дефицита.

В гончаровском романе автор любовался «голубиной нежностью» и «хрустальной душой» мечтателя Обломова, поэтизировал сказочное царство неторопливой и мирной Обломовки, противопоставлял им прагматизм и рационализм «человека бюджета» немца Андрея Штольца, более всего на свете боящегося мечтать и тратящего дни «как рубли» умеренно и аккуратно. Характерологическое пространство в одном случае сфокусировано вокруг образа чистого небесного голубя, в другом отталкивается от представления о породистой английской лошади, состоящей из одних костей и мускулов. Образно-символические сравнения не оставляют сомнения в том, каков высший идеал художника Гончарова, каково его представление об исконном русском характере. Однако либеральное великодушие и врожденная толерантность провоцируют писателя к созданию образа «нового» человека, героя будущего, который соединит в себе прошлое и настоящее и определит грядущее. Таковым героем в романе Гончарова должен будет стать юный Андрей Обломов, по корням аристократ и дворянин, мягкий и добросердечный барин, похожий на своего отца Илью Ильича (в силу вступает ономазиология «говорящей фамилии» Обломов), по воспитанию и образу жизни (как можно предположить) должный вобрать в себя долю практицизма и деловитости «приемного отца» и воспитателя Штольца. По Гончарову-утописту, русский национальный характер должен будет в скором будущем трансформировать-

ся, вместить в себя черты немца-западника и породить новую натуру, органично слив воедино обломовское и штольцевское.

В весьма близком ракурсе разрешает финал романа «Отцы и дети» и Тургенев. Подобно Гончарову, Тургенев возлагает будущие надежды России на юного Николеньку Кирсанова — по корням аристократа и дворянина, наследника доброго и «мягкого барича» Николая Петровича, по воспитанию — сына Кати Локтевой, рано познавшей жизненные трудности, и сибарита Аркадия, хотя бы на время приобщившегося к идеалам рационалистичного нигилиста Базарова. «Самоломанный» Базаров трагически-случайно умирает в романе Тургенева, но оставляет воспоминания по себе, те важные человеческие уроки, которые восприняли от него отец и сын Кирсановы и которые (можно предположить) будут эксплуатированы в процессе воспитания подрастающего Николеньки, нового героя, могущего соединить в вызревающем характере исконно-кирсановское и чужеродно-базаровское.

Оба художника — и Гончаров, и Тургенев — искренне ратуют за будущность России, ее судьбу и динамическое обновление русского национального характера. В попытке скорректировать и улучшить настоящее оба прозаика в пределах художественного произведения (предельно аккумулятивно — в эпилоге романов) проектируют утопию, надеясь примирить противоположности, соединить несоединимое, направить в единое русло векторы разнонаправленные. Подобно аристократу Николаю Кирсанову, протянувшему руку «лекаришке» Базарову — в желании понять нигилиста, но и в надежде быть понятым им, Гончаров и Тургенев моделируют «наивные» финалы романов, в которых за величайшим творческим даром писателей-реалистов можно не разглядеть утопическую составляющую художественных надежд. Оба писателя в искренней и живой заботе о будущем России уповают соединить в характерах выписываемых героев славянофильство и западничество, опереться на дворянский либерализм (нередко и сегодня именуемый как консерватизм) и дополнить его разночинным демократизмом, по виду деятельным, активным и прогрессивным.

Многими годами позже, на рубеже XIX и XX веков, талантливому Чехову доведется наблюдать итог гончаровско-тургеневских «утопий» — явственно услышать «звуки топора», раздающиеся в «дворянских гнездах», где вырубаются прекрасные наследные «вишневые сады». Надежды Гончарова и Тургенева на возможность сохранения Россией собственного национального пути — посредством «обновления» национального характера — не сбылись: в своих намерениях и поступках Базаровы, Штольцы, Лопачины оказались много более деятельными и решительными, чем Обломовы, Кирсановы, Раневские. Допущенные в дворянские усадьбы в качестве гостей и друзей, вскоре (как показал Чехов) деятельные демократы стали полноправными вла-

дельцами и хозяевами былых богатых поместий. Эпоха дворянская сменилась эпохой разночинной, литература дворянская уступила место литературе демократической. Точнее — обе начинали и/или продолжали свое развитие в пределах практически не пересекающихся плоскостей-параллелей.

Важно понять, что это не была одна и та же единая литература, претерпевшая деформацию (незначительные видоизменения), но это уже была иная литература, раздвоившаяся, в которой на том этапе новая — некрасовская — серьезно потеснила прежнюю — пушкинскую, с ее устоями, идеалами, этико-эстетическими ориентирами. Возникла поистине другая литература с принципиально иным центральным героем, резонером и протагонистом.

Показательным и доказательным примером размежевания литературы в середине XIX века, разделения ее на две самостоятельные (и по сути не сопоставимые) ветви может послужить творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Привычно говорить о том, что Салтыков-Щедрин наследует литературе начала XIX века (прежде всего Гоголю) и тем самым как будто бы продолжает традиции «золотого века». Между тем очевидно и другое — произведения сатирика-шестидесятника направлены не на обличение общечеловеческих нравственных пороков (как то было у Гоголя), но обращены к оппонентам-либералам в намерении дискредитировать чуждые ему идеи, низвергнуть сторонние для него идеалы. Так, если осмысленнее взглянуть на «Сказки» Салтыкова-Щедрина, например, на знаменитые тексты «Премудрого пещаря» или «Карася-идеалиста», то становится очевидным, что сатирический пафос писателя-разночинца направлен против пассивных (на взгляд сатирика) дворян-либералов, по существу против героев-идеологов Гончарова и Тургенева. Это прекраснотушные Обломовы и Кирсановы, в представлении разночинного писателя Щедрина, пассивны, консервативны, идеалистичны — наивны, как карась, и трусливы, как пещарь. Ставя имя Салтыкова-Щедрина в единый ряд вслед за именами Пушкина и Гоголя и рядом с именами Гончарова и Тургенева, исследователи игнорируют пафотическую направленность сказок (шире — произведений) писателя, абстрагируются от исторического и социального контекста, упуская оппозиционность и конфронтальность позиции сатирика. Щедрин идет не вслед за предшествующей литературой, но против нее.

Смена ракурса восприятия, изменение точки зрения на одни и те же типы (литературных героев, а в широком плане — сограждан) порождает дифферентную аксиологию — вдумчиво позитивные оценки традиционного «русского духа» у Гончарова и Тургенева, и низвергающе негативную оценочность в сатирах Салтыкова-Щедрина. Неслучайно писатели-современники, некоторое время группировавшиеся вокруг журнальных изданий Некрасова — Гончаров, Тургенев, Щедрин, Достоевский, Толстой (и др.) — в конечном итоге разошлись в не-

примиримом и окончательном, идейном и этико-эстетическом несогласии-неприятии. Даже внешне-поверхностное (поведенческое) «западничество» Тургенева, его живой интерес к народной жизни («Записки охотника») не примирили писателя с (пропагандистско-)демотической позицией революционеров-демократов.

Едва ли можно было бы Пушкина, при всей народности его творчества, представить среди авторов некрасовских изданий: неслучайно никто из пушкинских современников и единомышленников (например, В. А. Жуковский или П. А. Вяземский) ни единожды не передали свои произведения в руки Некрасова-издателя. Более того, как известно, потомки и наследники А. С. Пушкина решительно протестовали против аренды пушкинского «Современника» Некрасовым.

Иными словами, литература пушкинско-тютчевско-тургуневской ветви к середине XIX века начала развиваться параллельно и независимо от некрасовско-щедринской и добролюбовско-чернышевской, не соединяясь в единый поток, но распадаясь на рукава. Важно осознать и принять мысль о том, что в середине XIX столетия отечественное литературное дерево нач(ин)ало вегетацию, принималось ветвиться, потому говорить о традиции, преемственности и взаимовлияниях этих литературных потоков (например, в контексте традиции: Пушкин → Некрасов, Гоголь → Салтыков-Щедрин; и др.) следует с научной осторожностью и с рядом существенных аналитических оговорок.

На фоне высказанных превентивных соображений отчетливее осознается «загадка» личности Некрасова, которую вот уже полтора века пытаются разгадать литературоведы, историки, культурологи (см. об этом [13, 14]).

Некрасов был реальным участником и активным деятелем событий середины XIX века — как общественных, так и литературных. Некрасов-издатель посредством политики возглавляемого им журнала (журналов) формировал и подпитывал революционно-демократический настрой общества (по словам Н. Н. Скатова, сеял «семена революционного сознания...» [21, с. 147]), а Некрасов-поэт ориентировал российский социум на проблемы народности и поэтического выражения простонародных чаяний. Однако, как известно, цельностью натуры Некрасов не отличался: слишком кричаще репрезентативны противоречия между разгульным барством поэта и его подчеркнута позиционируемым в лирическом творчестве народолюбием, между личностью человека и ролью писателя. Констатация этих генеральных (и многих других — более локальных) противоречий характера, поступков, взглядов, образа жизни Некрасова постоянно прослеживается в воспоминаниях современников (П. Д. Боборыкин, В. П. Боткин, Ф. М. Достоевский, Ф. А. Кони, Н. К. Михайловский, И. А. Панаев, А. Я. Панаева, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. С. Суворин, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и др.), объяснение же — их

столкновением в личности Некрасова прагматичных интенций издателя-коммерсанта и гуманистических посылов поэта-демократа, как это делает М. С. Макеев [13, 14], — допустимо и убедительно, но вряд ли достигает окончательности. Следует признать, что «загадочность» природы Некрасова — результат удивительного и уникального внутреннего двоедушия человека и поэта, редчайшего и по-своему органичного двуличия и двойственности его сильной натуры, идейного и психологического «двоемыслия» (если воспользоваться словом Достоевского).

Традиционно принято считать, что роман Тургенева «Отцы и дети» был задуман как роман-памфлет, направленный против молодых демократов-разночинцев, в том числе концентрировавшихся вокруг журнальной редакции Некрасова, в частности — против Добролюбова, и был спровоцирован известным конфликтом в связи с добролюбовской статьей «Когда же придет настоящий день?» (1860). После преждевременной смерти Добролюбова роман «Отцы и дети» был титульно (пере)адресован Белинскому — как другу Тургенева и вдохновителю демократических тенденций в русской литературе. Однако фактор прямой адресации мог иметь и имплицитную модальность — быть не просто посвящением, но и подсказкой вдумчивому читателю о роли Белинского как фактического прародителя будущих рационалистических установок «западничества», которые (и) получили отражение в образе нигилиста Евгения Базарова.

Имя Некрасова в связи с романом «Отцы и дети» или прототипом центрального героя-протагониста не актуализируется. Но с учетом тесного (до определенной поры) общения Тургенева с Некрасовым и с сотрудниками его редакции (куда входил и Добролюбов), и особенно в связи с позицией Некрасова после публикации добролюбовской статьи о тургеневском «Накануне», можно высказать резонное предположение, что, создавая образ Базарова, Тургенев мог (и должен был) — сознательно или бессознательно — иметь в виду и фигуру Некрасова, отразить отдельные черты некрасовского характера в выписываемом литературном типе романного нигилиста. Личность Добролюбова — при всей бойкости его критического пера — была мелка для художественного обобщения Тургенева.

Знакомым с обстоятельствами жизненных перипетий Некрасова очевидно, что черты характера и поведения поэта в той или иной мере угадываются в образе тургеневского персонажа. Можно начать уже с того, что, подобно «самоломаному» Базарову (или Рахметову Н. Г. Чернышевского), будущий поэт-гуманист с юных лет (особенно в ранний петербургский период) ломал себя, по его собственному признанию, настойчиво «убивал в себе» идеализм и решительно старался «развить в себе практическую сметку» [16, с. 47–48]. Потерпевший провал с романтическими «Мечтами и звуками», молодой Перепельский² кардинально сменил поэтические ориентиры — от перепевов романтической поэзии

«по Жуковскому» решительно перестроился на демократический лад перепевов «по Белинскому». По сути весь строй рационалистически избранной демократической тенденции Некрасова соответствовал прагматическому принципу литературного героя Тургенева. Как помним, по словам Базарова, «любой порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта» [25]. Именно таковой оказалась «служебная роль» граждански ориентированной лирики Некрасова — неслучайно современники-литераторы (в их числе и Тургенев) отказывали Некрасову в причастности к Поэзии. Так А. И. Герцен писал Тургеневу 30 декабря 1856 г.: «...как-то Некрасову вовсе не идут слова Муза, Парнас...» [5, с. 69].

Народность стала главной темой, проблемой, идеей стихотворного творчества Некрасова. Между тем в контексте автобиографических записей, свидетельств современников, переписки и проч. (см.: П. Д. Боборыкин, В. П. Боткин, Ф. М. Достоевский, Ф. А. Кони, Н. К. Михайловский, И. А. Панаев, А. Я. Панаева, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. С. Суворин, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и др.) создается «назойливое» впечатление, что пламенные и выразительные строки Некрасова рождались не столько в порыве вдохновения, сколько под диктовку рационализма мировосприятия и прагматики успешности социального заказа. На наш взгляд, права Л. Люизьер, когда пишала о том, что в продолжение всей жизни Некрасов был «внутренне раздвоен между разными ролями», оставался «рабом капитала» и писал «то, что хорошо продается» [11, с. 57]. Вслед за Базаровым Некрасов, вероятно, мог бы сформулировать лаконичный творческий принцип: «<Поэзия> не храм, а мастерская, и <поэт> в ней работник».

Устойчивым предметом поэзии Некрасова становится демос, поэтический разговор о тяжелой доле и судьбе народной. Подобным образом, демократически настроенный герой Тургенева как будто бы тоже понимает народ, говорит о народе, любит вступать в беседы с крестьянами (хотя и получает их оценку — «шут гороховый»). Живой интерес Базарова к жизни крестьян объясним — события романа происходят в 1859 году, в ожидании государственной реформы по отмене крепостной зависимости. Между тем — наряду с народолюбием — памятна и другая сторона взглядов Базарова, его весьма резкое суждение о русском мужике, характерологически точно контурирующее подлинные «народнические» убеждения персонажа. В ответ на слова Аркадия Кирсанова, восхищенного рачительным обустройством крестьянских хозяйств в деревне отца Базарова, Евгений восклицает: «А я [и] возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... Да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет, ну, а дальше?..» [25]. На словах, кажется, озабоченный народным благом, готовый силы положить в борьбе

за устройство счастливой народной жизни, на деле, как показывает Тургенев, Базаров весьма далек от размышлений о судьбе крестьян. И, как ни парадоксально, стихотворные шедевры народолюбивого поэта Некрасова порождают сходные раздумья, особенно на фоне его собственных рассказов о пышных охотничьих выездах, роскошных обозах, многодневном бражничестве в ярославских и новгородских деревнях — на глазах обнищавших крестьян-тружеников.

В этом отношении типологически близким Некрасову оказывается и герой романа Гончарова — Андрей Штольц. Подобно последнему, юный разночинец³ Некрасов уезжает в столицу в амбициозной надежде утвердиться в обществе (и прославиться). В первые же годы столкнувшись с жизненными трудностями в столице, молодой и озлившийся Некрасов дает себе слово-зарок, очень похожий на клятву литературного Штольца — «пробиться во что бы то ни стало»:

«Я дал себе слово не умереть на чердаке. „Нет, — думал я, — будет и тех, которые погибли прежде меня, — я пробьюсь во что бы то ни стало. Лучше по Владимирке пойти, чем околевать беспомощным, забитым и забытым всеми“. И днем и ночью эта мысль меня преследовала... Я мучился той внутренней борьбой, которая во мне происходила: душа говорила одно, а жизнь совсем другое. И идеализма было у меня пропасть, того идеализма, который вразрез шел с жизнью. И я стал убивать его в себе и стараться развить в себе практическую сметку» (из автобиографических рассказов Некрасова (в передаче А. С. Суворина). См.: [16, с. 47–48]).

Подобно гордому Штольцу (нем. *stolz* — гордый), Некрасов мужественно и самоотверженно трудится по «коммерческой стезе», создавая гостинодворские стишки и драматические сценки, поступая в услужение, если не к Жуковскому, то к Белинскому. По словам искренне любившего поэта Достоевского, «миллион» был «демоном Некрасова» [7, с. 22]. И хотя Некрасов словесно не проговаривает штольцевское намерение о приобретении четырехэтажного дома в Петербурге, но эта амбиция гончаровского героя компенсируется реальной покупкой Некрасовым в собственное владение большого ярославского имения князей Голицыных с барским домом, флигелями, пристройками, верхним и нижним садом, прудами, оранжереями и проч. Особенно цинично (и иронично) в этом барственном приобретении певца народного горя то, что голицынское княжеское имение было куплено именно в 1861 году, в год Александровской реформы, в тот самый тяжелый период, когда получили «волю» безденежные безземельные крестьяне. Нечто противоречиво-противоестественное видится в этом пореформенном жесте «певца народного горя» Некрасова⁴.

Неоднозначный некрасовский характер, особенности поведения и поступков поэта-демократа,

спроецированные в пространство русской литературы середины XIX века, пробуждают смысловые параллели и актуализируют значимые ассоциации: Некрасов // Базаров, Некрасов // Штольц, позволяя через художественно отточенные образы литературных героев Тургенева и Гончарова в ином ракурсе взглянуть на личность певца земли русской.

Сегодня образы нигилиста Базарова и западника Штольца глубоко проанализированы и переосмыслены (в свете традиции отечественного литературоведения советской эпохи) современными литературоведами [см.: 1, 4, 9, 10, 12, 18]. Аксиология «прогрессивных» и «передовых» героев середины XIX века подверглась серьезной трансформации. Литературоведы-ученые с новых позиций доказали, что представление о национальном идеале русской литературы (шире — традиционной русской ментальности) было связано не с образами революционно настроенных нигилистов-западников, но либеральных дворян-аристократов, хранивших традиции былого отечественного уклада и национальной самобытности. Выявление типологического родства характера Некрасова с образами Евгения Базарова и Андрея Штольца, а не Ильи Обломова или Николая Кирсанова привносит в восприятие некрасовской личности особый ценностный акцент.

Предположение о близости литературного типа и реальной личности, мысль о возможности еще одного прототипа тургеневского Базарова (или гончаровского Штольца) не бесспорны, но имеют под собой резонные основания. Проекция литературных образов на личность Некрасова помогают живее представить себе портрет и характер «народного заступника», отчетливее осознать феномен сложной и противоречивой личности поэта.

Примечания

1. Напомним суждение Грибоедова о «передовом» Чацком. Драматург никогда не верил, что «сто человек прапорщиков» могут «изменить весь государственный быт в России...». И позже он же о декабристах: «Я говорил им, что они дураки...». Сходным образом и Пушкин, во многом симпатизировавший декабристам и близким к их кругам, сравнивал последних с «шутами»: «И я бы мог, как шут...» (см. об этом подробнее [2, 3]).

2. Как известно, первым печатным прозаическим произведением Некрасова была повесть «Макар Осипович Случайный» (1840), вышедшая в «Пантеоне русского и всех европейских театров» (№ 5). Подпись, которую использовал автор, — «Н. Перепельский» (от фамильярн. «перепевы», «перепевать», т. е., по Д. Н. Ушакову, «заимствовать из прежнего или у других»).

3. Некрасоведам следует перестать всерьез упоминать о дворянском происхождении Некрасова. Обилие неравных браков по прямой дедовско-отцовской линии и по боковым линиям его дядьёв

свидетельствует о том, что даже к «новому дворянству» семейство Некрасовых вряд может быть причислено на полных основаниях. Не только по образу жизни, но и по происхождению Некрасов, несомненно, был разночинцем. Другое дело, что, как и многим современникам «из низов», Некрасову хотелось подняться «выше», облагородить собственное происхождение (вспомним чеховскую героиню Венценбах и гордость мужа ее иностранным происхождением из рассказа «Толстый и тонкий»). А в случае с Некрасовым упоминание «дворянских корней» еще более прагматично — тем самым оправдать броское барство, причем не на уровне эгоистически-личностном, но на генетически-потомственном («по родителям»).

4. По словам Н. Г. Чернышевского, Некрасов (гражданин) встретил Манифест о реформе отрицательно, но как поэт откликнулся стихотворением «Свобода» (посл. строки: «Муза! С надеждой приветствуй свободу...» [17, с. 127]).

Литература

1. Богданова О. В. «Кто тут прав, кто виноват <...> решить не берусь»: «Отцы и дети» И. С. Тургенева // Вопросы литературы. М., 2015. № 4. С. 48–80.
2. Богданова О. В. «Наше описание вернее...» (А. С. Пушкин: образы Петра и бедного Евгения в «Медном всаднике») // Богданова О. В. Современный взгляд на русскую литературу XIX — середины XX века. СПб., 2017. С. 45–74.
3. Богданова О. В. «Сценическая поэма» А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Богданова О. В. Современный взгляд на русскую литературу XIX — середины XX века. СПб., 2017. С. 5–44.
4. Богданова О. В. Новые грани романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 87 с.
5. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. / АН СССР, ИМЛИ им. А. М. Горького. М.: Наука, 1962. Т. XXVI. Письма 1856–1859. 543 с.
6. Гин М. М., Евгеньев-Максимов В. Е. Семинарий по Некрасову. Л.: ЛГУ, 1955. 228 с.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1984. Т. 26. Дневник писателя, 1877, сентябрь–декабрь — 1880, август / Ред. Н. Ф. Буданова и др.; текст подгот. и прим. А. В. Архипова и др. 518 с.
8. Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова / АН СССР; ИРЛИ (Пушкинский Дом). М.; Л.: Наука, 1953. 282 с.
9. Иванникова Н. Д. Типология «жизненных миров» в романе И. А. Гончарова «Обломов». Дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2002. 16 с.
10. Краснощекова Е. Гончаров. Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
11. Люнзьер Л. Некрасов и деньги // Карабиха: Ист.-лит. сб. Вып. 5. Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2006. 317 с.
12. Ляпушкина Е. И. Русская идиллия XIX века и роман И. А. Гончарова «Обломов». СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 147 с.
13. Makeev M. S. Николай Некрасов. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 2017. 463 с.
14. Makeev M. S. Николай Некрасов: Поэт и предприниматель. М.: Макс Пресс, 2009. 236 с.
15. Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы / АН СССР; ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1989. 280 с.
16. Некрасов Н. А. «Да, только здесь могу я быть поэтом!...»: Избранное / Сост. и авт. ст. о поэте Н. Н. Пайков. Ярославль: Верхне-Волжское изд-во, 1996. 585 с.
17. Некрасов Н. А. Собрание сочинений: В 15 т. / ИРЛИ СССР, Пушкинский Дом. Т. 2. Стихотворения 1855–1866 гг. / Подгот. текстов и комм. О. Б. Алексеева и др.; ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Наука, ЛО, 1981. 446 с.
18. Отрадин М. В. Проза Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 168 с.
19. Пайков Н. Н. Феномен Некрасова: Избр. статьи о личности и творчестве поэта. Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2000. 120 с.
20. Прийма Ф. Я. Некрасов и русская литература / АН СССР; ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1987. 264 с.
21. Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему...»: О творчестве Н. А. Некрасова. М.: Просвещение, 1985. 174 с.
22. Скатов Н. Н. Некрасов. М.: Молодая гвардия, 1994. 411 с.
23. Скатов Н. Н. Некрасов: Современники и продолжатели: Очерки. М.: Сов. Россия, 1986. 336 с.
24. Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе. 3-е изд., доп. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1989. 224 с.
25. Тургенев И. С. Отцы и дети (электронный ресурс). URL: ilibrary.ru. И. С. Тургенев. Отцы и дети (дата обращения: 20.01.2020).